

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ БАЛКАРСКОЙ ПРОЗЫ

Folklore Traditions as the Factor of Formation and Progress of Balkarian Prose

Fariza H. GULIEVA –ZANUKOEVA*

Резюме: Статья посвящена одному из актуальных исследовательских направлений современной филологической науки – вопросу взаимодействия фольклора и литературы. Данная проблема раскрывается здесь на примере преемственности традиций карачаево-балкарской несказочной фольклорной прозы. Автор прослеживает особенности протекания указанного процесса на разных этапах становления и развития балкарских прозаических литературных жанров.

Ключевые слова: фольклор, несказочная проза, историческая проза, устные повествовательные традиции, юмор, сатира, литература, очерк, рассказ, повесть, роман.

Abstract: Article is devoted to one of actual research directions of a modern philological science – to a question of interference of folklore and the literature. The given problem reveals here on an example of continuity of traditions of karachay-balkarian unfairy-tale folklore prose. The author traces features of course of the specified process at different stages of development and progress of balkarian prosaic literary genres.

Keywords: folklore, unfairy-tale prose, historical prose, oral narrative traditions, humour, satire, the literature, a sketch, the story, the narrative, the novel.

Makale Gönderim:

03.11.2015

Kabul Tarihi:

10.12.2015

---

* Фариза ГУЛИЕВА-ЗАНУКОЕВА, Научный Сотрудник Сектора Карачаево-Балкарского Фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский Институт Гуманитарных Исследований», qfariza37@mail.ru.

Проблемы влияния фольклора на литературу, преемственности фольклорных традиций, их трансформации в художественной литературе всегда оставались в поле зрения литературоведения. Как отмечают многие исследователи (В.М. Гацак, У.Б. Далгат, К.Л. Зелинский, А.Х. Мусукаева, Ф.А. Урусбиева, З.И. Хубиева и т.д.), вопросы фольклоризма и мифопоэтического сознания наиболее актуальны для так называемых молодых литератур, где их влияние наиболее сильно. И это исторически оправдано.

У балкарцев, как и у многих других народов бывшего СССР, вплоть до Октябрьского переворота не было общепринятой, общедоступной письменности и, соответственно, они, за редким исключением, не имели возможности сохранять свои творения в письменной форме. Конечно, существовали энтузиасты-одиночки, издававшие статьи, очерки на русском языке (просветители Сафар-Али и Науруз Урусбиевы, Мисост Абаев, Басият Шаханов и др.), записывавшие свои стихотворения на родном языке, приспособившая арабскую графику (как, например, основоположник балкарской поэзии Кязим Мечиев), но они не могли изменить картины всеобщей безграмотности и не давали возможности говорить о сложившейся литературе. Функцию литературы до возникновения письменности в известной мере выполнял фольклор. В различных его жанрах концентрировался весь эстетический и этический опыт балкарцев и карачаевцев, их мировоззрение и философия, в них нашли отражение важнейшие исторические события, в них шлифовались и оттачивались художественные традиции. Именно поэтому в условиях, когда основная часть населения только приобщалась к грамоте и не была еще знакома с творениями русской и мировой классической литературы, фольклор не мог не стать первым и важнейшим источником, главной опорой в формировании молодой балкарской литературы.

Как писал В.М. Гацак, литература по отношению к фольклору – это, своего рода, «преемственный этап эстетического развития». В фольклоре, как и в литературе, мы можем выявить все три художественных рода (эпический, лирический и драматический), реализуемые в разветвленной и совершенной системе жанров, которые и явились «предвестием соответствующих литературных форм и (в той или иной степени) отправной идейно-художественной основой их создания и восприятия» (Gatsak, 1975: 16-17). И если основой формирования балкарской поэзии на первом этапе становятся народные песни и творчество немногочисленных «дописьменных» поэтов, то базой для формирования и развития прозаических жанров становятся традиции сказочной и несказочной прозы.

«С фольклора начинается художественное развитие народов, но оно *продолжается* и *умножается* всем последующим движением искусства слова. По сравнению с фольклором у литературы *свое* особое *качество* и принципиальная специфика. Фольклор и литература – это как бы *два различных художественных состояния*, если угодно, – две разные эстетические субстанции и поэтические

системы. Между ними не только контакты, преемственность и взаимность, но и эстетическая, эволюционная *«оппозиция»* (Gatsak, 1975: 18). Оппозиция эта обусловлена множеством факторов, но главными, по всей видимости, являются форма и среда бытования.

То обстоятельство, что карачаевцы и балкарцы не имели национальной письменности, обусловило устную форму бытования народного творчества, которая, в свою очередь, определяла специфику произведений, отбор художественно-изобразительных средств и т.д. Произведения фольклора были призваны передать весь накопленный народом опыт последующим поколениям, они были выразителями общенародных традиций, идеалов, чаяний, а поскольку не было возможности сохранить их в письменном виде, в них практически не оставалось места для индивидуализации, для «лишних» элементов, все в них было цельным, нерасчлененным. В процессе передачи из уст в уста стиралось все малозначительное с точки зрения народа, произведение шлифовалось и оттачивалось до тех пор, пока не становилось совершенным.

Вся жанровая система фольклора была подчинена одной задаче – сохранить многовековой культурно-исторический опыт народа, передать его своим потомкам. Для того, чтобы наверняка донести важную информацию о тех или иных событиях, данные передавались нередко в двух формах – предания и песни – подтверждавших истинность друг друга. Для передачи нравственно-этического опыта народа существовали пословицы и поговорки. Мифы, а позже поверья, былички и бывальщины объясняли устройство окружающего мира. Сказки, помимо развлекательной, выполняли также воспитательную функцию и т.д.

Говоря о фольклоре и литературе, У.Б. Далгат писала, что «степень и характер их взаимодействия в различные периоды исторического развития не одинаковы и определяются совокупностью многих причин. К ним, например, относятся: состояние развития художественной культуры народа (в том числе и словесной), время создания письменности и разработанность литературного языка, факторы внутрирегиональных и внерегиональных культурных влияний и т.п.» (RoI Folkloru, 1975: 4). Если принять во внимание указанные факторы, то становится понятным, почему в 20–30-е годы XX века влияние фольклора на балкарскую литературу было столь значительным. Как уже говорилось выше, общедоступная, общепринятая письменность у балкарцев и карачаевцев появилась только после 1914 года, соответственно на преодоление всеобщей безграмотности и разработку литературного языка требовалось время, а словесная культура народа была представлена фольклором и произведениями немногочисленных представителей местной интеллигенции и поэтов.

Для писателей и поэтов, заложивших основы балкарской литературы, 20-е – 30-е годы XX века были временем первых шагов, приобретения навыков литературного письма, учебы и поиска средств в художественном освоении

действительности в ее разных измерениях (Musukaeva, 1993: 12). В то же время они призваны были объяснить народу на доступном ему языке происходящие изменения и фольклор оказался здесь как нельзя кстати. Литературе этого периода присущи все наиболее очевидные формы фольклоризма: фольклоризм стилистически-речевой, фольклоризм поэтического строя произведения и фольклоризм социально-этнографический (Gamzatov, 1986: 40).

В первые же годы писатели взяли на вооружение художественное своеобразие и богатство родного фольклора. Выработывавшиеся веками фольклорные мотивы и традиционные приемы изображения, принципы эстетического восприятия, свойственные фольклору – все это закономерно перешло в национальную прозу. Особенно пригодились уроки народного творчества при разработке центральной темы того времени – темы двух миров – прошлого и настоящего, старого и нового.

Балкарская проза началась с газетной художественной публицистики, в которой главное место отводилась на первоначальном этапе очерку благодаря его компактности и мобильности. В литературе очерк выполнял примерно ту же функцию, что и сказ в фольклоре – собирал и изучал факты «по горячим следам» – и точно так же, как сказ в дальнейшем мог преобразиться в предание или легенду, так и очерк мог стать базой как для короткого рассказа, так и для повести или романа, их части, но в то же время мог остаться и незамеченным: все зависело от требований эпохи и читателей.

Следует, однако, отметить, что провести грань, четко разделяющую малые жанры прозы 20-х – 30-х годов практически невозможно, поскольку это был период их становления.

Влияние фольклора на формирующуюся балкарскую прозу выразилось как в прямом заимствовании тем, сюжетов, композиции, так и в портретах героев, манере повествования, символике. Часто неумелое обращение авторов с фольклорным материалом шло в ущерб произведению. Например, герои делились только на плохих и хороших. Если персонаж изначально задумывался как отрицательный, то у него не было шансов «исправиться». Автор изображал его, в противоположность положительному герою, некрасивым, невоспитанным, алчным, ненасытным угнетателем народа, злодеем. Чаще всего этими чертами наделялись в тот период вчерашние богачи, эфенди, муллы, т.е. «враги новой власти». Антитеза и гиперболизация, излюбленные приемы фольклора, таким образом, органично вошли в прозу 20-х – 30-х годов.

Помимо явно положительных и отрицательных героев, существовал и третий тип персонажей – сомневающийся. Он в какой-то степени был единой формой и отрицательного, и положительного персонажей: до момента исправления (часто искусственного, произошедшего по воле автора) персонаж

изображается в большей степени как отрицательный, хотя и в несколько смягченных красках, а после исправление уже как положительный (Бекир из одноименной повести Б. Гуртуева, Марий из «Школьников» А. Ульбашева и др.).

Своеобразным шагом к преодолению черно-белой схемы описания персонажей стало произведение О. Этезова «Камни помнят», где главный отрицательный персонаж князь Адик описывается не как слабый, трусливый и физически непривлекательный, а как достойный противник, что, однако, не умаляет, а наоборот усиливает нравственно-этическую характеристику положительных героев (Темирбаша и отважной шестерки красноармейцев).

Займовались в это время не только фольклорные темы, сюжеты, символика, но и формы. В частности, С. Хочуев в своем творчестве разрабатывал форму *тауруха* (предания). Он строил рассказ таким образом, что картины событий и новые отношения между людьми раскрывались не только через образы персонажей, но и через восприятие самого повествователя – лирического героя с ясной социальной позицией. Композиционный прием рассказа в рассказе позволяет ему соотнести пережитое героями с их сегодняшним днем («Чьи эти две могилы?», «В горящем огне»).

Таким образом, мы видим, что такие фольклорные элементы, как портрет героя, внешние черты которого подчеркивают контраст между положительным и отрицательным персонажем, эпизоды противостояния, характеристика героев, картины природы, составляющие психологическую параллель к переживаниям персонажа и своеобразный диалог, довольно органично вошли в первые прозаические произведения балкарской литературы. Иногда, правда, был и прямой перенос. Механическое перенесение фольклорных мотивов, форм, красок, тем и приемов нередко шло в ущерб произведению, приводило его к фабульной инертности, констатации фактов, но никак не внутреннему движению коллизии, саморазвитию характеров или их художественной глубине. Это объяснялось неумением многих авторов творчески использовать богатые традиции устного народного творчества.

В годы Великой отечественной войны внимание писателей вновь обращается к фольклорному наследию, что вполне объяснимо: в самые тяжелые моменты своей жизни народ ищет совета и опоры в своем прошлом, в накопленном за многие века опыте.

Балкарская литература тех лет небогата прозаическими произведениями, особенно написанными на родном языке. Возглавляет этот список коллективное Письмо-обращение группы балкарских писателей и поэтов к народу «Ёллюго жетген гебенек кесин отха уруп!» («Бабочка, ищущая смерти, бросается в огонь!»), опубликованное 1 июля 1941 года в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария». К этому периоду относятся также написанные на русском языке статьи и очерки Кайсына Кулиева, небольшие рассказы на балкарском языке Салиха

Хочуева «Капитан Гастелло», «Герои», «Разведчики» и Хабу Кадиева «Мечь Темирбека», «Ефрейтор Палач и его приказ генералам», «Скорая смерть». Все они в той или иной степени связаны с национальным фольклором. Даже в Письме, написанном в форме воззвания, мы находим пословицы, поговорки (Бабочка, ищущая смерти, бросается в огонь; Взбесившаяся собака бросается к реке; У муравьев перед смертью крылья вырастают). Для описания своих защитников и врагов используются традиционные эпитеты: немцы – черные мухи, бешенные псы, крылатые муравьи, жаждущие падали вороны. Они обречены на гибель, им никогда не победить храбрых советских воинов-ястребов: «Какие бы большие крылья не выросли, полет муравья не сравнится с полетом ястреба! Муравей умрет по муравьиному!». Все произведение пронизано любовью к Родине и жгучей ненавистью к врагу, верой в его скорую гибель от руки советского воина-богатыря. Здесь проводится историческая параллель между героями прошлого и настоящего, будущего: «Если наши отцы в прошлом победили врага с железными вилами в руках, то мы – поколение, вооруженное новой советской военной техникой – заставим врага исчезнуть с лица земли».

То, что героям Великой Отечественной войны довольно часто придавались черты богатырей, народных мстителей, не случайно: мироощущению того времени созвучны не только образы богатырей, олицетворявших мощь народа и защищавших его, но и способы создания героического характера по законам фольклорной поэтики (гиперболизация, богатырские подвиги, боевые эпизоды, идеализация и т.д.).

Традиционные средства и приемы карачаево-балкарских юмористических и сатирических рассказов и сказок нашли применение в рассказах Х. Кадиева «Скорая смерть» и «Ефрейтор Палач и его приказ генералам», где он в иносказательной форме высмеивает главарей фашистской Германии. Даже имена немецких генералов позволяют судить об их характерах и занятиях (Кудахтающий, Дрожющий, Курорез, фон Старший Вор, фон Младший Вор и т.д.).

Все эти приемы, исторические ассоциации, фольклорные параллели призваны были углублять представление о героизме советских воинов. К сожалению, балкарская военная проза не успела дорасти до крупных эпических жанров – 8 марта 1944 года балкарский народ был выселен в Среднюю Азию, карачаево-балкарский язык, как и культура, оказался под запретом. Литература балкарцев на долгие 13 лет была официально упразднена и тем самым лишена возможности нормального развития. Фольклор опять занял место литературы, он явился «объединяющей, направляющей, поддерживающей народный дух силой» (Ocherki, 1981: 144). Данный период представлен в основном поэзией, но, по всей видимости, и прозаики не опустили руки – они вынашивали идеи новых произведений. Видимо, этим объясняется столь бурное развитие как поэтических (Berberov, 2011), так и прозаических жанров балкарской литературы в 1960–70 гг.

Постдепортационный период был ознаменован приходом в балкарскую литературу целой плеяды молодых и талантливых писателей (З. Толгурова, А. Теппеева, Э. Гуртуева, Х. Шаваева, И. Гадиева и др.), продолжали творить и уже признанные мастера слова Б. Гуртуев, Х. Кадиев, М. Шаваева, О. Этезов, М. Геттуев. И вновь писатели обратились к фольклору. Связано это скорее всего с тем, что «фольклор, являющийся на первый взгляд слепком с сознания людей, стоящих на иной, нередко архаической ступени цивилизации, таит в себе ценности, созвучные сегодняшнему дню» (Karaeva, 1989: 52).

В 60–80-е годы и в настоящее время обращение балкарских писателей к фольклорному наследию стало более сознательным. В этот период практически невозможно встретить прямые заимствования, они выглядели бы инородными, будучи внесенными в художественное повествование искусственно. Фольклорные сюжеты, темы, символы, народные обычаи, обряды и т.д. в большинстве случаев органично вплетаются в тематическую, сюжетно-композиционную ткань произведения в виде вставных сюжетов, снов, бесед. Они становятся художественной почвой, на которой разворачивается изображение и помогают глубже раскрыть психологию балкарского народа в целом, или какого-то персонажа в отдельности. Наглядны в этом отношении произведения таких авторов, как А. Теппеев, З. Толгуров, умело использующих богатые традиции родного фольклора. Углубляются и характеры, психологизм героев, они перестают быть односложными. В произведениях современных авторов уже трудно найти однозначно плохого или хорошего персонажа.

Наряду с широким использованием мифов, преданий, легенд, пословиц, поговорок, песен, проклятий писатели использовали также фольклорные символы. Приведем некоторые из них: солнце, огонь – символы незатухающей жизни; туман – силы зла, угроза; скала – символ дома, защиты; цветущий сад – благополучие; кусочек шкуры черной лисы – богатство, достаток, благополучие в доме; снежные горы – символ вечности, чистоты; орел, сокол – воин, богатырь; ворон – враг, несущий смерть: потеря шапки – символ позора, гибели; падение звезды – символ смерти и т.д. (Musukaeva, 1993: 17).

Порой фольклорный символ указан в произведении прямо, в названии его глав, в названии произведения («Солнце не заходит», «Мост Сират» А. Теппеева, «Горные орлы» Ж. Залиханова, «Белая шаль» З. Толгурова, «Нарт уя» И. Гадиева и т.д.). Чаще символическая конструкция индивидуализирует, дает дополнительные штрихи к портрету того или иного героя. Это может быть отдельный отрывок, несущий на себе функции дополнительной характеристики событий или героев. К примеру, произведение З. Толгурова «Алые травы», повествующее о событиях Великой Отечественной войны, но насыщенное и современной проблематикой, обнаруживает генетическую связь с мифологией, с народными представлениями о героизме, судьбе и назначении человека. При этом

в повести используется миф, лежащий в основе «Песни о Бийнёгере». Охотник Бийнёгер был жестоко наказан богом охоты Апсаты за бессмысленное, для показательной удали истребление животных. В повести этот мотив сюжетно оформляется во вставной эпизод – сон Каракая о погоне за белой оленихой, жестоко наказавшей его за вероломство и презрение ко всему живому.

Символическая конструкция часто локальна, но всегда тесно связана с сюжетом романа. Таковы, например, в романе А. Теппеева «Мост Сират» отрывки, повествующие о расчищении Хамзатом и его внуком Музафаром истоков родников, воспоминания Хамзата об историческом прошлом, верованиях балкарского народа и т.д. Фольклорно-символическая конструкция в данном случае обретает жизнь в романе благодаря психологическому параллелизму, соотнесению состояния человека и описания природы.

На становление и развитие прозаических литературных жанров сатирического характера определенное влияние оказали карачаево-балкарские *чамы* и *масхара* (юмористические и сатирические рассказы), бытовые сказки, близкие к анекдоту. На их базе возникает литературный юмористический рассказ. Сохраняя основные свойства данного жанра (лаконичность, конфликт, динамизм, основной ритм построения), последний «обрастает» деталями, событиями, характеристиками, т.е. описанием мира. Рассказ насыщен действием, он эксцентричен. В основе его лежит юмор положений, центр тяжести смещается с характеров на самую ситуацию, он новеллистичен по своей природе (Urusbieva, 1972: 34-35). Таковы произведения Х. Кадиева, Э. Гуртуева, А. Глашева и др.

Таким образом, период 20–30-х годов XX века характеризуется наиболее частым прямым перенесением фольклорных методов художественного воссоздания действительности и характеров в письменную литературу без творческой переработки. В более поздние периоды обращение к фольклору становится более творческим и плодотворным. Фольклорные образы, приемы, символы выполняют определенные сюжетно-композиционные и эстетические функции.

Говоря о влиянии отдельных жанров фольклора на формирование и развитие балкарской литературы, следует вспомнить, что становление таких литературных жанров, как рассказ, повесть, роман было подготовлено бытованием преданий, сказов, легенд, мифов. Персонажи народных чамов и масхара довольно органично вошли в прозаические произведения сатирического характера.

Таким образом, можно констатировать, что традиции устной несказочной прозы исторического и сатирического характера оказали значительное влияние на процесс становления и развития балкарской литературы. Фольклор все еще остается неисчерпаемым источником вдохновения, опыта и мудрости для тех, кто сумеет им воспользоваться.

ЛИТЕРАТУРА

- BERBEROV B.A. (2011). Tema Narodnoy Tragedii v Karaçayevno-Balkarskoy Poezii (na materiale ustnoy i pismennoy slovesnosti 1943-2000 gg.). Nalçik: izdatelskiy otdel KBİGİ, 2011. 215 s.
- GAMZATOV G.G. (1986). Vzaimodeystviye Literaturı i Folklorı: Problemi i Sujdeniya // Vzaimosvyazi folklorı i literaturı narodov Dagestana. Mahaçkala: Tipografiya Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1986. S. 7-41.
- GATSAK V.M. (1975). Roman i folklor. İon Druse «Vremya naşey dobrotı» // Rol folklorı v Razvitii Literatur Narodov SSSR. Sb. statey / otv. red. i avt. vved. U.B. Dalgat. M.: Nauka, 1975. S. 16-38.
- GUZİYEVA M. (2003). Osnovniye Tendensii Razvitiya Nasionalnoy Literaturı Perioda 20-h - 30-h godov XX veka // Literaturnaya Kabardino-Balkariya. 2003. № 1. S. 133-141.
- KARAYEVA Z.B. (1989). Vzaimodeystviye Karaçayevno-Balkarskogo Folklorı İ Sovremennoy Literaturı // Sovetskaya türkologiya. 1989. № 4.S. 49-54.
- MUSUKAYEVA A.H. (1993). Severokavkazskiy roman. Nalçik: Elbrus, 1993. 191 s.
- Ocherki (1981). Oçerki İstorii Balkarskoy Literaturı. Nalçik: Elbrus, 1981. 400 s.
- Rol folklorı (1975) Rol Folklorı v Razvitii Literatur Narodov SSSR. Sb. statey / otv. red. i avt. vved. U.B. Dalgat. M.: Nauka, 1975. 248 s.
- URUSBİYEVA F.A. (1972). Put k janru: Oçerk İstorii Janrov v Balkarskoy Literature. Nalçik: Elbrus, 1972. 174 s.

